Леонтьев А.Н.

ОБРАЗ МИРА

Избранные психологические произведения, М.: Педагогика, 1983, с. 251-261.

Как известно, психология и психофизиология восприятия характеризуются, пожалуй, наибольшим числом исследований и публикаций, необозримо огромным количеством накопленных фактов. Исследования ведутся на самых разных уровнях: морфофизиологическом, психофизическом, психологическом, теоретико-познавательном, клеточном, феноменологическом ("фонографическом" – К. Хольцкамп) (Holzkamp K. Sinnlliehe Erkenntnis: Historischen Upsprung und gesellschaftliche Function der Wahrnehmung. Frankfurt/ Main, 1963.), на уровне микро- и макроанализа. Изучаются филогенез, онтогенез восприятия, его функциональное развитие и процессы его восстановления. Используются самые разнообразные конкретные методы, процедуры, индикаторы. Получили распространение разные подходы и интерпретации: физикалистские, кибернетические, логико-математические, "модельные". Описано множество явлений, в том числе совершенно поразительных, остающихся необъясненными. Но вот что знаменательно, по признанию самых авторитетных исследователей, сейчас не существует никакой убедительной теории восприятия, способной охватить накопленные знания, наметить концептуальную систему, отвечающую требованиям диалектика - материалистической методологии.

В психологии восприятия, по существу, в неявной форме сохраняются физиологический идеализм, параллелизм и эпифеноменализм, субъективный сенсуализм, вульгарный механицизм. Не ослабевает, а усиливается влияние неопозитивизма. Особенно большую опасность для психологии представляет редукционизм, *разрушающий* сам предмет психологической науки. В результатах работ, претендующих на широкий охват проблемы, торжествует откровенная эклектика. Жалкое состояние теории восприятия при богатстве накопленных конкретных знаний свидетельствует о том, что сейчас создалась острая необходимость пересмотреть то принципиальное направление, в котором движутся исследования.

Конечно, все советские авторы исходят из фундаментальных положений марксизма, таких, как признание первичности материи и вторичности духа, сознания, психики; из положения о том, что ощущения и восприятия являются отражением объективной реальности, функцией мозга. Но речь идет о другом: о воплощении этих положений в конкретном их содержании, в практике исследовательской психологической работы, об их творческом развитии в самой, образно говоря, плоти исследований восприятия. А это требует коренного преобразования самой постановки проблемы психологии восприятия и отказа от ряда мнимых постулатов, которые по инерции в ней сохраняются. О возможности такого преобразования проблемы восприятия в психологии и будет идти речь.

Общее положение, которое я попытаюсь сегодня защищать, состоит в том, что *проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться* как *проблема психологии образа мира.* (Замечу, кстати, что теория отражения по-немецки Bi1dtheorie, т. е. теория образа.) Марксизм так и ставит вопрос: "... ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека, – писал Ленин, – принимается за образ объективной реальности" (Ленин В. И. Полн, собр. соч., т. 18, с. 282-283.).

Ленин сформулировал и чрезвычайно важную мысль о принципиальном пути, по которому должен идти последовательно материалистический анализ проблемы. Это путь от внешнего объективного мира к ощущению, восприятию, образу. Противоположный же путь, подчеркивает Ленин, есть путь, неизбежно ведущий к идеализму (Там же, с. 52.)

Это значит, что всякая вещь первично положена объективно – в объективных связях предметного мира; что она – вторично – полагает себя также и в субъективности, чувственности человека, и в человеческом сознании (в своих идеальных формах). Из этого нужно исходить и в психологическом исследовании образа, процессов его порождения и функционирования.

Животные, человек живут в предметном мире, который с самого начала выступает как четырехмерный: трехмерное пространство и время (движение), которое представляет собой "объективно реальные формы бытия" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 181.).

Это положение отнюдь не должно оставаться для психологии только общефилософской предпосылкой, якобы прямо не затрагивающей конкретно-психологическое исследование восприятия, понимание его механизмов. Напротив, оно заставляет многое видеть иначе, не так, как это сложилось в рамках буржуазной психологии. Это относится и к пониманию развития органов чувств в ходе биологической эволюции.

Из приведенного марксистского положения вытекает, что жизнь животных с самого начала протекает в четырехмерном предметном мире, что приспособление животных происходит как приспособление к связям, наполняющим. мир вещей, их изменениям во времени, их движению; что, соответственно, эволюция органов чувств отражает развитие приспособления к четырехмерности мира, т. е. обеспечивает ориентировку в мире, как он есть, а не в отдельных его элементах.

Я говорю это к тому, что только при таком подходе могут быть осмыслены многие факты, которые ускользают из зоопсихологии, потому что они не укладываются в традиционные, по сути атомарные, схемы. К числу такого рода фактов относится, например, парадоксально раннее появление в эволюции животных восприятия пространства и оценка расстояний. То же относится к восприятию движений, изменений во времени – *восприятию, так, сказать, непрерывности через прерывность.* Но, разумеется, касаться этих вопросов подробнее я не буду. Это разговор особый, узкоспециальный.

Обращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о *пятом квазиизмерении,* в котором открывается человеку объективный мир. Это – *смысловое поле, система значений.*

Введение этого понятия требует более подробного разъяснения. Факт состоит в том, что когда я воспринимаю предмет, то я воспринимаю его не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении. Когда, например, я бросаю взгляд на ручные часы, то я, строго говоря, не имею образа отдельных признаков этого предмета, их суммы, их "ассоциативного набора". На этом, кстати сказать, и основана критика ассоциативных теорий восприятия. Недостаточно также сказать, что у меня возникает прежде всего картина их формы, как на этом настаивают гештальтпсихологи. Я воспринимаю не форму, а *предмет, который есть часы.*

Конечно, при наличии соответствующей перцептивной задачи я могу выделить и осознать их форму, отдельные их признаки – элементы, их связи. В противном случае, хотя все это и входит в *фактуру* образа, в его *чувственную ткань,* но фактура эта может свертываться, стушевываться, замещаться, не разрушая, не искажая предметности образа. Высказанный мной тезис доказывается множеством фактов, как полученных в экспериментах, так и известных из повседневной жизни. Для психологов, занимающихся восприятием, нет надобности перечислять эти факты. Замечу только, что особенно ярко они выступают в образах-представлениях.

Традиционная интерпретация состоит здесь в приписывании самому восприятию таких свойств, как осмысленность или категориальность. Что же касается объяснения этих свойств восприятия, то они, как об этом правильно говорит Р. Грегори (Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972.), в лучшем случае остаются в границах теории Г. Гельмгольца. Замечу сразу, что глубоко скрытая опасность состоит здесь в логической необходимости апеллировать в конечном счете к врожденным категориям.

Защищаемая мной общая идея может быть выражена в двух положениях. Первое заключается в том, что свойства осмысленности, категориальности суть характеристики сознательного образа мира, *не имманентные самому образу,* его сознанию. Они, эти характеристики, выражают объективность, раскрытую совокупной общественной практикой, *идеализированной* в системе значений, которые каждый отдельный индивид находит как *"вне-его-существующее"* – воспринимаемое, усваиваемое – и поэтому так же, как то, что входит в его образ мира.

Выражу это иначе: значения выступают не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за *обликом вещей* – в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства. Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность *внутрисистемных связей объективного предметного мира. Она и есть пятое квазиизмерение его!*

Подведем итоги

Защищаемый мной тезис заключается в том, что в психологии проблема восприятия должна ставиться как *проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности.* Что, иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно- научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в *об*ъективно реальном мире.

Здесь я должен прервать себя некоторыми иллюстрирующими отступлениями. Мне припоминается спор одного из наших философов с Ж. Пиаже, когда он приезжал к нам.

– У вас получается, – говорил этот философ, обращаясь к Пиаже, – что ребенок, субъект вообще, строит с помощью системы операций мир. Как же можно стоять на такой точке зрения? Это идеализм.

– Я вовсе не стою на этой точке зрения, – отвечал Ж. Пиаже, – в этой проблеме мои взгляды совпадают с марксизмом, и совершенно неправильно считать меня идеалистом!

– Но как же в таком случае вы утверждаете, что для ребенка мир таков, каким строит его логика?

Четкого ответа на этот вопрос Ж. Пиаже так и не дал.

Ответ, однако, существует, и очень простой. Мы действительно строим, но не Мир, а Образ, активно "вычерпывая" его, как я обычно говорю, из объективной реальности. Процесс восприятия и есть процесс, средство этого "вычерпывания", причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса. Я отвечаю: образ объективного мира, объективной реальности. Образ более адекватный или менее адекватный, 'более полный или менее полный... иногда даже ложный...

Позвольте мне сделать еще одно, совсем уже другого рода отступление.

Дело в том, что понимание восприятия как процесса, посредством которого строится образ многомерного мира, каждым его звеном, актом, моментом, каждым сенсорным механизмом вступает в противоречие с неизбежным аналитизмом научного психологического и психофизиологического исследования, с неизбежными абстракциями лабораторного эксперимента.

Мы выделяем и исследуем восприятие удаленности, различение форм, константность цвета, кажущееся движение и т. д. и т. п. Тщательными экспериментами и точнейшими измерениями мы как бы сверлим глубокие, но узкие колодцы, проникающие в недра перцепции. Правда, нам не часто удается проложить "ходы сообщения" между ними, но мы продолжаем и продолжаем это сверление колодцев и вычерпываем из них огромное количество информации – полезной, а также малополезной и даже вовсе бесполезной. В результате в психологии образовались сейчас целые терриконы непонятных фактов, которые маскируют подлинный научный рельеф проблем восприятия.

Само собой разумеется, что этим я вовсе не отрицаю необходимости и даже неизбежности аналитического изучения, выделения тех или иных частных процессов и даже отдельных перцептивных явлений в целях их, исследования in vitro. Без этого просто не обойтись! Моя мысль совсем в другом, а именно в том, что, изолируя в эксперименте изучаемый процесс, мы имеем дело с некоторой абстракцией, следовательно, сразу же встает проблема возвращения к целостному предмету изучения в его реальной природе, происхождении и специфическом функционировании.

Применительно к исследованию восприятия это есть возвращение к построению в сознании индивида образа *внешнего многомерного мира,* мира как он *есть,* в котором мы живем, в котором мы действуем, но в котором наши абстракции сами по себе не "обитают", как не обитает, например, в нем столь подробно изученное и тщательно измеренное "фи-движение" (Грегори Р. Глаз и мозг. М., 1970, с. 124 – 125).

Здесь я снова вынужден сделать отступление.

Многие десятки лет исследования в психологии восприятия имели дело по преимуществу с восприятием двухмерных объектов – линий, геометрических фигур, вообще изображений на плоскости. На этой почве возникло и главное направление в психологии образа – гештальтпсихология.

Сначала было выделено как особое "качество формы" – Gestaltqualitt; потом в целостности формы увидели ключ к решению проблемы образа. Были сформулированы закон "хорошей формы", закон прегнантности, закон фигуры и фона.

Эта психологическая теория, порожденная исследованием плоских изображений, сама оказалась "плоской". По существу, она закрыла возможность движения "реальный мир – психический гештальт", как и движения "психический гештальт – мозг". Содержательные процессы оказались подмененными отношениями проективности, изоморфизма. В. Келер издает книгу "Физические гештальты" (Khler W. Die physischen Gestalten in Ruhe und stationren Zustand. Brounschweig, 1920.) (кажется, впервые о них писал К. Гольдштейн), а К. Коффка уже прямо заявляет, что решение контраверзы духа и материи, психики и мозга состоит в том, что первичным является третье и это третье есть Gestalt – форма. Далеко не лучшее решение предлагается и в лейпцигском варианте гештальтпсихологии: форма есть субъективная априорная категория.

А как интерпретируется в гештальтпсихологии восприятие трехмерных вещей? Ответ прост: он заключается в переносе на восприятие трехмерных вещей законов восприятия проекций на плоскости. Вещи трехмерного мира, таким образом, выступают как замкнутые плоскостями. Главным законом поля восприятия является закон "фигуры и фона". Но это вовсе не закон восприятия, а феномен восприятия двухмерной фигуры на двухмерном фоне. Он относится не к восприятию вещей трехмерного мира, а к некоторой их абстракции, которая есть их контур (Или, если хотите, плоскость.). В реальном же мире определенность целостной вещи выступает через ее связи с другими вещами, а не посредством ее "оконтуривания" (т. е. операции выделения и видения формы.).

Иными словами, своими абстракциями гештальттеория подменила понятие объективного *мира* понятием *поля*.

В психологии понадобились годы, чтобы их экспериментально разъединить и противопоставить. Кажется, лучше всего это сначала проделал Дж. Гибсон, который нашел способ видеть окружающие предметы, окружающую обстановку как состоящую из плоскостей, но тогда эта обстановка стала призрачной, потеряла для наблюдателя свою реальность. Удалось субъективно создать именно "поле", оно оказалось, однако, заселенным призраками. Так в психологии восприятия возникло очень важное различение: "видимого поля" и "видимого мира" (Gibson J.J. The Perception of the Visual World. L.: N.Y., 1950.).

В последние годы, в частности в исследованиях, проведенных на кафедре общей психологии, это различение получило принципиальное теоретическое освещение, а несовпадение проекционной картины с предметным образом – достаточно убедительное экспериментальное (Удалось найти и некоторые объективные индикаторы, расчленяющие видимое поле и предметы, картину предмета. Ведь образ предмета обладает такой характеристикой, как измеряемая константность, т. е. коэффициент константности. А ведь как только ускользает предметный мир, трансформируясь в поле, так поле это обнаруживает аконстантность. Значит, можно измерением расчленить предметы поля и предметы мира.) обоснование (Логвиненко А. Д. , Столин В. В. Исследование восприятия в условиях инверсии поля зрения. – Эргономика: Труды ВНИИТЭ, 1973, вып. 6.).

Я остановился на гештальттеории восприятия, потому что в ней особенно отчетливо сказываются результаты сведения образа предметного мира к отдельным феноменам, отношениям, характеристикам, абстрагированным из реального процесса его порождения в сознании человека, процесса, взятого в его полноте. Нужно, следовательно, вернуться к этому процессу, необходимость которого лежит в жизни человека, в развитии его деятельности в объективно многомерном мире. Отправным пунктом для этого должен стать сам мир, а не субъективные феномены, им вызываемые.

Здесь я подхожу к труднейшему, можно сказать, критическому пункту опробываемого мною хода мысли.

Я хочу сразу же высказать этот пункт в форме тезиса категоричного, сознательно опуская все необходимые оговорки.

Тезис этот состоит в том, что *мир в его отдаленности от субъекта амодален.* Речь идет, разумеется, о том значении термина "модальность", какое он имеет в психофизике, психофизиологии и психологии, когда мы, например, говорим о форме предмета, данной в зрительной или в тактильной модальности или в модальностях вместе.

Выдвигая этот тезис, я исхожу из очень простого и, на мой взгляд, совершенно оправданного различения свойств двоякого рода.

Один – это такие свойства неодушевленных вещей, которые обнаруживаются во взаимодействиях с вещами же (с "другими" вещами), т. е. во взаимодействии "объект – объект". Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с вещами особого рода – с живыми чувствующими организмами, т. е. во взаимодействии "объект-субъект". Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств реципирующих органов субъекта. В этом смысле они являются модальными, т.е. субъективными.

Гладкость поверхности предмета во взаимодействии "объект – объект" обнаруживает себя, скажем, в физическом явлении уменьшения трения. При ощупывании рукой – в модальном явлении осязательного ощущения гладкости. То же свойство поверхности выступает в зрительной модальности.

Итак, факт состоит в том, что одно и то же свойство – в данном случае физическое свойство тела – вызывает, воздействуя на человека, совершенно разные по модальности впечатления. Ведь "блескость" не похожа на "гладкость", а "матовость" – на "шероховатость". Поэтому сенсорным модальностям нельзя дать "постоянную прописку" во внешнем предметном мире. Я подчеркиваю, *внешнем,* потому что человек, со всеми своими ощущениями, сам тоже принадлежит объективному миру, *тоже есть вещь среди вещей.*

У Энгельса есть одна примечательная мысль о том, что свойства, о которых мы узнаем посредством зрения, слуха, обоняния и т. д., не абсолютно различны; что наше я вбирает в себя различные чувственные впечатления, объединяя их в целое как *"совместные"* (курсив Энгельса!) свойства. "Объяснить эти различные, доступные лишь разным органам чувств свойства... и является задачей науки..." (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 548.).

Прошло 120 лет. И наконец, в 60-х гг., если я не ошибаюсь, идея слития в человеке этих "совместных", как их назвал Энгельс, *расщепляющихся органами чувств* свойств превратилась в экспериментально установленный факт.

Я имею в виду исследование И. Рока (Рок И., Харрис Ч. Зрение и осязание. – В кн.: Восприятие. Механизмы и модели. М., 1974, с. 276-279.).

В его опытах испытуемым показывали квадрат из твердой пластмассы через уменьшающую линзу. "Испытуемый брал квадрат пальцами снизу, через кусок материи, так что он не мог видеть свою руку, иначе он мог бы понять, что смотрит через уменьшающую линзу... Мы... просили его сообщить свое впечатление о величине квадрата... Некоторых испытуемых мы просили как можно точнее нарисовать квадрат соответствующей величины, что требует участия как зрения, так и осязания. Другие должны были выбрать квадрат равной величины из серии квадратов, предъявляемых только зрительно, а третьи – из серии квадратов, величину которых можно было определять только на ощупь...

У испытуемых возникало определенное целостное впечатление о величине квадрата... Воспринимаемая величина квадрата... была примерно такой же, как и в контрольном опыте с одним лишь зрительным восприятием".

Итак, предметный мир, взятый как система только "объектно-объектных" связей (т. е. мир без животных, до животных и человека) , амодален. *Только при возникновении субъектно-объектных связей, взаимодействий возникают многоразличные и к тому же меняющиеся от вида к виду (Я и имею в виду зоологический вид.) модальности.*

Вот почему, как только мы отвлекаемся от субъектно-объектных взаимодействий, сенсорные модальности выпадают из наших описаний реальности.

Из двойственности связей, взаимодействий "О-О" и "О-S", при условии их сосуществования, и происходит всем известная двойственность характеристик: например, такой-то участок спектра электромагнитных волн и, допустим, красный свет. При этом не нужно только упускать, что та и другая характеристика выражает "физическое отношение между физическими вещами" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62.).

Дальнейший естественно возникающий вопрос – это вопрос о природе, происхождении сенсорных модальностей, об их эволюции, развитии, о необходимости, неслучайности их меняющихся "наборов" и разных, говоря термином Энгельса, "совместностей" отражаемых в них свойств. Это не исследованная (или почти не исследованная) проблема науки. Что же является ключевым подходом (положением) для адекватного решения этой проблемы? Здесь я должен повторить свою главную мысль: в психологии она должна решаться как проблема филогенетического развития образа мира, поскольку:

(1) необходима "ориентировочная основа" поведения, а это образ,

(2) тот или иной образ жизни создает необходимость соответствующего ориентирующего, управляющего, опосредствующего образа его в предметном мире.

Короче. Нужно исходить не из сравнительной анатомии и физиологии, а из *экологии* в ее отношении к морфологии органов чувств и т. п. Энгельс пишет: "Что является светом и что – несветом, зависит от того, ночное это животное или дневное" (Маркс К.. Энгельс Ф. Соч., т.20, с. 603.).

Особо стоит вопрос о "совмещениях".

1. Совмещенность (модальностей) становится, но по отношению к чувствам, образу; она есть его условие (Б. М. Величковский обратил мое внимание на одно исследование, относящееся к раннему младенческому возрасту:). (Как предмет – "узел свойств", так образ – "узел модальных ощущений".)

2. Совмещенность выражает *пространственность* вещей как форму существования их).

3. Но она выражает и существование их во времени, поэтому образ принципиально есть продукт не только симультанного, но и *сукцессивного* совмещения, слития (Никто из нас, вставая из-за письменного стола, не отодвинет стул так, чтобы он ударился о книжную витрину, если знает, что витрина находится за этим стулом. Мир сзади меня присутствует в картине мира, но отсутствует в актуальном зрительном мире. От того, что у нас нет панорамного зрения, панорамная картина мира не исчезает, она просто иначе выступает.). Характернейшее явление совмещения точек обзора – детские рисунки!

Общий вывод

всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, т е. в некоторое "целое" (Uexkll V., Kaiszat G. Streifzge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Berlin, 1934.).

Когда я говорю о том, что всякое актуальное, т. е. сейчас воздействующее на перцептирующие системы, свойство "вписывается" в образ мира, то это не пустое, а очень содержательное положение; это значит, что:

(1) граница предмета устанавливается на предмете, т. е. отделение его происходит не на чувствилище, а на пересечениях зрительных осей. Поэтому при использовании зонда происходит сдвиг чувствилища (При ощупывании зондом некоего объекта чувствилище перемещается с руки на кончик зонда. Чувствительность там... Я могу перестать ощупывать зондом этот предмет чуть-чуть продвинуть руку по зонду. И тогда чувствилище возвращается на пальцы, а кончик зонда теряет свою чувствительность.) Это значит, что не существует *объективации ощущений, восприятий!* За критикой "объективации", т. е. отнесения вторичных признаков к реальному миру, лежит критика субъективно-идеалистических концепций. Иначе говоря, я стою на том, что *не восприятие полагает себя в предмете, а предмет – через деятельность – полагает себя в образе. Восприятие и есть его "субъективное полагание". (Полагание для субъекта!);*

(2) вписывание в образ мира выражает также то, что предмет не складывается из "сторон"; он выступает для нас как *единое непрерывное: прерывность есть лишь его момент ("Эффект туннеля": когда нечто прерывает свое движение и, как следствие своего воздействия, оно не прерывает своего бытия для меня).* Возникает явление "ядра" предмета. Это явление и выражает *предметность* восприятия. Процессы восприятия подчиняются этому ядру. Психологическое доказательство: а) в гениальном наблюдении Г. Гельмгольца: "не все, что дано в ощущении, входит в "образ представления" (равносильно падению субъективного идеализма в стиле Иоганнеса Мюллера); б) в явлении прибавок к псевдоскопическому образу (я вижу грани, идущие от подвешенной в пространстве плоскости) и в опытах с инверсией, с адаптацией к оптически искаженному миру.

До сих пор я касался характеристик образа мира, общих для животных и человека. Но процесс порождения картины мира, как и сама картина мира, ее характеристики качественно меняются, когда мы переходим к человеку.

У человека *мир приобретает в образе пятое квазиизмерение.* Оно ни в коем случае не есть субъективно приписываемое миру! Это переход *через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру.* Предметный мир выступает в значении, т. е. картина, мира наполняется значениями.

Углубление познания требует снятия модальностей и состоит в таком снятии, поэтому наука не говорит языком модальностей, этот язык в ней изгоняется. В картину мира входят невидимые свойства предметов: а) *амодальные – открываемые промышленностью, экспериментом, мышлением; б) "сверхчувственные"* – функциональные свойства, качества, такие, как "стоимость", которые в субстрате объекта не содержатся. Они-то и представлены в значениях!

Здесь особенно важно подчеркнуть, что природа значения не только не в теле знака, но и не в формальных знаковых операциях, не в операциях значения. Она – *во всей совокупности человеческой практики, которая в своих идеализированных формах входит в картину мира.*

Иначе это можно сказать так: знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувственности. (Знания входят, наука – нет!)

Некоторые общие выводы

1. Становление образа мира у человека есть его переход за пределы "непосредственно чувственной картинки". Образ не картинка!

2. Чувственность, чувственные модальности все более "обезразличиваются". Образ мира слепоглухого не другой, чем образ мира зрячеслышащего, а создан из другого строительного материала, из материала других модальностей, соткан из другой чувственной ткани. Поэтому он сохраняет свою симультанность, и это- проблема для исследования!

3. "Обезличивание" модальности – это совсем не то же самое, что безличность знака по отношению к значению.

Сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. *Они несут ее в себе (Я всегда с огорчением читаю на страницах психологической современной литературы такие высказывания, как "кодирование в таких-то ощущениях". Что это значит? Условно переданное? Отношения нет. Оно устанавливается, нами накладывается. Не надо кодирования! Не годится понятие!).* Поэтому-то распадение чувственности (ее перверзии) порождает психологическую ирреальность мира, явления его "исчезания". Это известно, доказано.

4. Чувственные модальности образуют обязательную фактуру образа мира. Но фактура образа неравнозначна самому образу! Так в живописи за мазками масла просвечивает предмет. Когда я смотрю на изображенный предмет – не вижу мазков, и vice versa! Фактура, материал снимается образом, а не уничтожается в нем.

В образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает только рефлексия, и это важно!).

Итак, включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит к тому, что *система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру.*

Проблема такого "наделения" порождает предмет психологической науки!